

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

UDC 902/904

LBC 63.444(235.54)

Submitted: 27.07.2024

Accepted: 04.12.2024

COMPLEX OF “ABANDONED” BURIALS FROM THE SAMOSDELKA SETTLEMENT TERRITORY¹

Dmitry V. VasilievAstrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation;
Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation**Emma D. Zilivinskaya**

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ekaterina M. Boldyreva

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the introduction into archaeological scholarly discourse of the mediaeval era complex, discovered at the Samosdelka settlement in the Volga River delta. It consists of the remains of two dwellings – a clay-built above-ground and a yurt-shaped one – that were destroyed in a fire, as well as two “abandoned” burials inside the yurt-shaped dwelling. The purpose of the study is to determine the chronological horizon which the complex is associated with. The goal is to date the period of operation of the complex and explain the circumstances of its origin. The skeletons of the deceased individuals bear traces of violent death; they were located in the ruins of a burnt-out dwelling on top of each other in free (chaotic) poses, which suggests that they had been thrown into the dwelling and then burnt along with it. Analysis of weapons and inventory items accompanying one of the burials allows us to determine the date of the archaeological complex. The fragment of an iron sabre and an iron axe date back to the period of the 10th – 11th centuries; the copper cauldrons found between the burnt yurt-like and the above-ground dwellings with adobe-and-pole walls date back to the same time. However, the fragment of a Kashi vessel found there allows us to push back the upper limit of the dating of the complex to the early 12th century. The dating of the complex of the burnt dwelling and two “abandoned” burials to the end of the 11th – beginning of the 12th centuries is connected with the historical realities of that period: the raid of the Kipchaks and Yemeks on the city of Saksin, which, according to historical sources, was the object of their military expansion for some time. The attack took place in the winter and was accompanied by military actions on the river ice, as evidenced by the discovery of an ice-breaking spike in the inventory of the military burial.

Key words: Middle Ages, Samosdelka settlement, city of Saksin, Volga River delta, sabre, axe, ice-walking spikes, copper cauldrons.

Citation. Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., Boldyreva E.M., 2025. Kompleks «broshennykh» zahoroneniye s territorii gorodishcha «Samosdelka» [Complex of “Abandoned” Burials from the Samosdelka Settlement Territory]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 171-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

УДК 902/904

ББК 63.444(235.54)

Дата поступления статьи: 27.07.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

КОМПЛЕКС «БРОШЕННЫХ» ЗАХОРОНЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА «САМОСДЕЛКА»¹

Дмитрий Викторович ВасильевАстраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация;
Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Эмма Давидовна Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Михайловна Болдырева

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот сложного комплекса эпохи Средневековья, обнаруженного на городище «Самосделка» в дельте Волги. Он представляет собой остатки двух жилищ – глинобитного наземного и юртообразного, погибших в огне, и два непреднамеренных («брошенных») захоронения внутри юртообразного жилища. Цель работы – уточнение хронологического горизонта, с которым связан комплекс. Задачи – определение периода функционирования комплекса и объяснение обстоятельств его возникновения. Костяки покойных несут на себе следы насильственной смерти, они располагались в завалах сгоревшего жилища один поверх другого в свободных (случайных) позах, что предполагает забрасывание их в жилище с последующим сожжением вместе с постройкой. Анализ предметов вооружения и инвентаря, сопровождавших одно из захоронений, позволяет конкретизировать дату археологизации комплекса. Обломок сабли и топора из железа датируется периодом X–XI вв., этим же временем датируются медные котлы, обнаруженные между сгоревшими жилищами – юртообразным и наземным с глинобитно-жердевыми стенами. Однако найденный здесь же фрагмент кашинного сосуда позволяет отодвинуть верхнюю границу датировки комплекса в начало XII века. Интерпретация комплекса в составе сгоревшего жилища и двух «брошенных» захоронений, относящихся к концу XI – началу XII в., приводится в соответствии с канвой исторических событий этого периода и связывается с набегом кыпчаков и йемеков на город Саксин, который, как свидетельствуют письменные источники, являлся некоторое время объектом их военной экспансии. Нападение произошло зимой и сопровождалось боевыми действиями на льду реки, на что указывает находка ледоходного шипа в составе инвентаря воинского захоронения.

Ключевые слова: Средневековье, городище «Самосделка», город Саксин, дельта Волги, сабля, топор, ледоходные шипы, медные котлы.

Цитирование. Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., Болдырева Е. М., 2025. Комплекс «брошенных» захоронений с территории городища «Самосделка» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

Городище «Самосделка» располагается в Камызякском районе Астраханской области, в западной части дельты Волги. Основная часть памятника (которую занимает собственно городище) находится на современном правом берегу реки Старой Волги (Бирюль), точнее – на древнем острове, окруженном со всех сторон пересохшими ныне протоками. Помимо этого, к городищу примыкают Правобережное и Левобережное селища – сопутствующие ему неукрепленные поселения. Памятник изучается раскопками с 2000 года. За это время в правобережной части городища было заложено три раскопа, которые показали наличие здесь многослойных отложений мощностью до трех метров, из-за чего островная часть представляет собой невысокую возвышенность, выделяющуюся на фоне окружающей равнины. Хронология комплекса в настоящий момент воссоздается следующим образом. Начало активного обживания островной части памятника относится к IX–X векам. За-

тухание жизни на городище связано с затоплением его водами поднявшегося Каспия и разлившейся Волги в середине XIV столетия. Однако наиболее верхние слои в островной части обусловлены строительством здесь в XVIII в. рыбзавода «Образцовая ватага», давшего начало селу Самосделка, а также с повторным затоплением острова вследствие подъема уровня Каспийского моря в XIX столетии. Правобережное селище, примыкающее к городищу с юга и юго-востока, датируется XII в., Левобережное селище существовало параллельно с наиболее ранним островным поселением и было затоплено подъемом Каспия в X веке [Васильев, 2018; Варущенко и др., 1987, с. 116, рис. 22, с. 117, табл. 16].

В настоящее время слои второй половины XI – XIV в. на городище интерпретируются как остатки города Саксина, который служил ключевым перевалочным пунктом на Волго-Каспийском торговом пути. Более ранние слои IX–X вв., связанные с

хазарским периодом истории, еще ждут своей интерпретации.

Основным письменным источником по истории города и области Саксин на настоящий момент остаются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати [Путешествие ... , 1971], в которых в концентрированной форме содержатся яркие и точные свидетельства, касающиеся географического положения города, его населения, этнографические подробности жизни города и быта горожан. Дополнительные сведения о городе Саксине мы можем почерпнуть из сочинения Наджиба Хамадани «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-моуджудат», которая не переведена на русский язык, но нами используется в интерпретации С.Г. Агаджанова [Агаджанов, 1969].

Одну из основных сложностей в изучении памятника составляет выделение четких горизонтов в стратиграфии раскопов на городище, которые могли бы послужить реперными уровнями для относительной хронологии. Так, в верхних слоях городища был выделен уровень, связанный с монгольским нашествием. Он представляет собой мощный слой пожара, сопровождавшийся многочисленными находками обугленных костей животных и человека, а также санитарными захоронениями и непогребенными скелетами погибших жителей города. Этот слой на всех раскопах располагается на уровне 3–4 пластов. Ниже, на уровне 10–11 пластов, на раскопах 1 и 2 прослежен второй слой сплошного пожара, сопровождавшегося разрушением многочисленных турлучных и юртообразных построек на городище. До сих пор четких хронологических маркеров для датировки этого четкого уровня обнаружить и интерпретировать не удавалось.

В 2017 г. в ходе исследований на городище «Самосделка» отрядом Нижневолжской археологической экспедиции под руководством Е.М. Болдыревой проводилось изучение слоев домонгольского времени на раскопе 2, который располагается в правобережной части памятника. Раскоп был заложен в 2006 г. на южном склоне островной возвышенности для поиска остатков городской фортификации и несколько раз продлевался в южном направлении. В настоящий момент его длина составляет 60 м при ширине 12 м. В ходе работ око-

ло западного борта раскопа были исследованы юртообразное сооружение № 64 и остатки сгоревшего наземного прямоугольного жилища с турлучными стенами № 57А, которые располагались к югу от предполагаемой кирпичной крепостной стены, а также два непреднамеренных («брошенных») захоронения, возникших в результате событий, связанных с военным нападением на город Саксин² [Болдырева, 2018]. Мы попытаемся определить время этого нападения и кем оно было совершено. Следы пожара и скелеты погибших жителей города отмечаются на данном уровне как на раскопе 2, так и на раскопе 1, поэтому датировка этого события позволит получить реперный горизонт для уточнения внутренней хронологии городища.

Наиболее ранним объектом в комплексе являлось **сооружение № 64**. Оно располагается в юго-западной части раскопа 2 на уровне условного 11-го пласта (рис. 1, 2). Объект представляет собой округлый котлован диаметром около 350 см. Северо-восточная граница была разрушена юртообразным сооружением, а южная половина – ямой, которая возникла позднее. Глубина котлована – от 69 до 107 см. Стенки котлована отвесные, дно плоское. Заполнение котлована, которое отразилось в профиле западного борта раскопа, состоит из слоев, соответствующих гибели сооружения в огне пожара. Перекрыт профиль слоем золы серого цвета с углями, ниже залегает слой твердой серой супеси с золой, обломками кирпича и керамикой в заполнении, а под ним – две аналогичные линзы золистого пахсы комковатой структуры желтого цвета с углями и обожженной глиной в заполнении. Они накрывают прослойку слоистой серой золы с углями, лежащую на дне котлована [Болдырева, 2018].

В центре котлована было выявлено погребение 12, а непосредственно под ним – погребение 14 (рис. 2, 3А, Б, В). Описание погребений приводится ниже. Индивидуальных находок в основном объеме сооружения зафиксировано не было, оно датируется по предметам, обнаруженным в погребении 14. Еще один интересный комплекс находок был выявлен около юго-восточной стенки сооружения. Здесь, в округлой яме диаметром до одного метра, имевшей отвесные стенки и

плоское дно, были обнаружены три вставленных друг в друга медных цилиндрических котла (рис. 1, 5) с плоскими донцами, медными петлевидными приклепанными ушками и железными ручками. Поверх котлов зафиксированы остатки деревянной крышки.

Принадлежность ямы с котлами в качестве конструктивной особенности котлована сооружения № 64 достоверно не установлена. Она вполне могла являться нишей-кладовкой в юго-восточной стенке сооружения, но могла также быть введена в нее уже после разрушения сооружения № 64. В отчете эти котлы описаны как «располагающиеся у западной стены сооружения № 57А» [Болдырева, 2018].

Сооружение № 57А расположено непосредственно к востоку от сооружения № 64 на уровне 10-го пласта, то есть его общий уровень располагается на 20 см выше, и, соответственно, существовало позже сооружения № 64 (рис. 1, 2). Сооружение образовано массивом двух расплывшихся сгоревших стен (западной и северной), стоящих на слое серо-зеленого песка с угольками. По периметру вдоль границы стены был прослежен слой пестрой рыхлой горелой глины с углями высотой до 10 см. Этот слой представляет собой следы оползания сгоревших конструкций сооружения. В границах этой части сооружения была расчищена 31 столбовая или жердевая яма, которые имеют отношение к конструкции западной стены сооружения. Столбовые ямы являются частью конструкции северной стены помещения сооружения. Большая часть жердевых ям располагается в две линии у С – 3 края стены сооружения, а столбовые сосредоточены в местах наибольшей точки изгиба стены. Уровень пола сооружения отмечает лежащая на полу крышка лепного сосуда, расчищенная на уровне –266 см. Заполнение сооружения состоит из двух основных слоев. Верхняя часть была перекрыта слоем рыхлой серой супеси с золой и углями. В основании заполнения расположен слой пестрого рыхлого турлука с углями толщиной до 15,5 см. В целом заполнение отражает этапы жизни сооружения, которое было повреждено пожаром и засыпано после частичного разрушения. Анализ показывает, что сооружение № 57А являлось конструкцией с каркасными стена-

ми из дерева, жердей, столбов и глины, сгоревшую в пожаре. Возможно, сооружение состояло из двух помещений. Крыша опиралась на столбы, а полы были частично выстелены деревянными досками. При выборке заполнения сооружения были обнаружены керамический шарик из печного припаса, пряслице керамическое, крышка лепная в виде плоского диска, венчик стеклянного сосуда, а также фрагмент горла кашинного сосуда с росписью люстром [Болдырева, 2018]. Судя по находкам, сооружение может датироваться в пределах конца XI – середины XII века.

Погребение 12 (рис. 3, А, В). Пятно могильной ямы не было прослежено, так как, возможно, она изначально отсутствовала. Костяк принадлежал взрослому мужчине 30–35 лет³. Этот человек погиб насильственной смертью и был захоронен под завалами сооружения. Погребение окружено полуовальным в плане пятном слоя рыхлого пестрого горелого турлука с примесями углей и кирпичной крошкой. Костяк ориентирован по линии ЗСЗ – ВЮВ, головой обращен в западный сектор. Ноги согнуты в коленях и разведены в стороны. Малая берцовая кость левой ноги накрывает кости правой ступни. Правая рука лежит на тазовых костях, левая вытянута вдоль туловища и отведена в сторону. Череп запрокинут назад и повернут влево (лицом на С – 3). На правой половине грудной клетки были расчищены обломки железного предмета длиной около 10 см и шириной 3–4 см, который был полностью съеден коррозией и рассыпался после расчистки. Наиболее вероятная предварительная датировка захоронения, принятая в ходе исследований по окружающему контексту, – вторая половина XI века. В процессе расчистки погребения 12 под костями ног был выявлен череп еще одного костяка, который получил обозначение «погребение 14». Для расчистки погребения 14 погребение 12 было полностью удалено.

Погребение 14 (рис. 3, А, В) также не имело могильной ямы, так как было совершено в контексте заполнения сооружения № 64 ниже погребения 12. В завале были расчищены обломки обожженных кирпичей. Костяк принадлежал взрослому мужчине в возрасте 20–23 лет. Он был ориентирован головой на Ю – В и лежал на спине в случайной позе.

Кисть правой руки располагалась на тазовых костях, левая рука отведена от туловища и согнута в локте вверх под углом 90°. Ноги согнуты в тазобедренных суставах и направлены влево от туловища. Правая нога вытянута прямо, а левая немного согнута в колене. Стопы обращены влево и ориентированы на Ю – З. Под правой рукой погребенного лежал массивный комок окислов от железного предмета, который, как стало ясно после реставрации, представлял собой фрагментированные парно-овальные ледоходные шипы (возможно, что покойный изначально держал в руке сапог с привязанным к подошве ледоходным устройством). Под правой бедренной костью был расчищен сильно окисленный железный топор, ниже и перпендикулярно берцовым костям располагались сильнокорродированные остатки железной сабли. Затылочная кость погребенного была пробита сзади, в отверстии был зафиксирован обломок железного гвоздя (или железного наконечника стрелы?) квадратного сечения и плохой сохранности. Под костями грудной клетки был расчищен небольшой фрагмент стенки кашинного сосуда с бирюзовой глазурью, несущий следы пребывания в огне (оплавленный в результате повторного обжига в пожаре).

Итак, перед нами два непреднамеренных погребения, над которыми не производились ритуальные действия. Погребения возникли случайным образом, одновременно, вероятно, в ходе боевых действий. Тела покойных были брошены в горящее сооружение № 64. Возможно, оно было подожжено после забрасывания туда трупов убитых. О том, что это было именно забрасывание, а не укладывание, нам говорят свободные, случайные позы покойных. О том, что имел место факт пожара, свидетельствуют, во-первых, следы горелого турлука и мощный прокал вокруг скелетов, а также следы горения на костях. Кости частично кальцинированы, что является результатом длительного пребывания тел в открытом огне и в тлеющих углях.

Основные датирующие находки, которые позволяют определить время возникновения комплекса, – это металлические предметы (сабля, топор, ледоходные шипы, котлы), а также фрагмент кашинного сосуда.

Топор железный (рис. 4,В). Длина изделия – 17,5 см [Болдырева, 2018, рис. 528]. Предмет относится к типу VI по А.Н. Кирпичникову [Кирпичников, 1966, табл. XVI, 7]. Тип его определяется как «бородавчатый» – с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом. Подобный топор мог использоваться как в работе, так и в качестве оружия. Древнейший рабочий топор описанного типа найден в Гнездовском кладе, который датируется периодом около 1000 г., позднейшие – в костромских курганах XII–XIII веков. В XI–XII вв. эти топоры (в разных видоизменениях) довольно широко распространены в Восточной Европе [Кирпичников, 1966, с. 75]. Таким образом, топор подобного типа мы можем датировать концом X – XII веками.

Сабля железная (рис. 4,А), точнее, обломок сабли из двух фрагментов общей длиной 52 см со следами заточки [Болдырева, 2018, рис. 527]. Вероятно, концевой участок лезвия был утрачен еще в ходе боевых действий интересующего нас периода жизни городища. Лезвие слабоизогнуто, хвостовик рукояти имеет небольшой наклон в сторону лезвия. Перекрестье цилиндрическое, узкое железное, напоминающее обойму. Согласно типологии Г.А. Федорова-Давыдова, такие сабли можно отнести к типу АI или АII – широкие слабоизогнутые, их аналогии встречаются в салтовской культуре. На Руси X–XI вв. подобные сабли превратились, по словам Г.Ф. Корзухиной, в своеобразный гибрид сабли и меча. Имеются они в синхронных материалах Волжской Булгарии, Северного Кавказа и Венгрии [Федоров-Давыдов, 1966, с. 23, рис. 3]. Диапазон хождения сабель этого типа довольно широк – X–XIII века. Практически полную аналогию данному клинку мы можем найти в погребении 2 кургана 5 курганного могильника Скатовка [Гарустович, Иванов, 2001, с. 135]. Данный экземпляр по способу оформления гарды и погребальному обряду датируется XI–XII вв. и относится к половецкому кругу погребений [Харламов, 2017, с. 408, рис. 1, 2].

Ледоходные шипы (рис. 4,Б). Железные ледоходные шипы длиной 26 см и шириной 6,5 см являются уникальными в своем роде [Болдырева, 2018, рис. 467]. Подобная конст-

рукция шипов встречена впервые, несмотря на то что сами по себе они распространены достаточно широко. Простейшие по конструкции ледоходные шипы в виде пирамидальных выступов, наклепанных на железную полоску с двумя загнутыми концами, довольно часто встречаются в золотоордынских древностях, причем имеются две разновидности – для человека (привязывались к пятке сапога) и лошади (вставлялись в прорези или вырезы на копыте) [Недашковский, 2000, с. 77–78, рис. 16, 17].

Кроме подобного рода шипов, на территории средневековой Руси (в частности, в Новгороде) известны находки прорезных овальных пластин с шипами и петлями для завязок. Специалист по древнерусскому рыболовству А.В. Куза отнес их к рыбопромысловому снаряжению [Куза, 2016, с. 85, рис. 18]. Известны они и в древностях Пскова [Салмина, 1995, рис. 1, 5].

Самосдельские ледоходные шипы восьмеркообразной формы вполне дополняют известную типологию. К сожалению, хронологический диапазон хождения этих предметов установить невозможно из-за немногочисленности находок.

Медные котлы. Комплект медных котлов еще не публиковался (рис. 5), так как в настоящее время находится в процессе реставрации в мастерских Государственного исторического музея. Три котла, которые обнаружены вставленными последовательно друг в друга, предварительно можно отнести к типу М-1 по К.А. Руденко. Это изделия двух- или трехчастной сборки швами «в зубец» объемом от 3 до 5 л. Ушки маленькие, медные, венчик образован наложенной снаружи медной полосой шириной 1,5–2,5 см, закрепленной загнутым верхним краем стенки и заклепками. Дно плоское со следами выколотки. Датируется данный тип котлов IX–X – началом XI в. («доживают» до середины XI в.) [Руденко, 2000, с. 29, рис. 2, 5].

Таким образом, металлические предметы в целом датируют возникновение комплекса «сооружение № 64 – сооружение № 57А – погребение 12 – погребение 14» периодом X–XII вв. с тяготением ко второй половине XI века. Однако у нас есть в наличии наиболее поздний датирующий элемент.

Фрагмент кашинной чаши, обнаруженный в ходе расчистки погребения 14, и фрагмент люстрового сосуда из сооружения № 57А позволяют датировать завершение формирования комплекса «сооружение № 64 – сооружение № 57А – погребение 12 – погребение 14» концом XI – началом XII века. Как считает Е.М. Болдырева, кашинная посуда появляется на городище с начала XII в., а немного раньше налаживается ее активное производство на Ближнем Востоке, в частности в Иране. Тонкостенные чаши с голубой поливой и тестом высокого качества вполне могут датироваться в пределах XI–XII в., поэтому кашинная посуда появляется в переходный период, в рамках выделенных этапов [Болдырева, 2016, с. 159].

Слой пожара, в котором погибло сооружение № 64 и с которым связано возникновение погребений 12 и 14, не является локальным для данного участка городища. Он прослежен на более северных участках раскопа 2 повсеместно на этом же уровне – с 10-го по 12-й пласт. Такой же слой прослеживается и на раскопе 1. Он отсекает ранний горизонт заселения, сформированный юртообразными турлучными жилищами, от среднего горизонта, который застроен преимущественно прямоугольными и квадратными сырцовыми домами, вписанными в регулярную уличную планировку. Очевидно, что город Саксин на рубеже XI и XII вв. пережил какой-то серьезный удар, который представлял серьезную угрозу самому его существованию.

Если привлечь письменные источники, мы обнаружим, что наиболее вероятная и очевидная опасность в этот исторический период для города Саксина и огузов, которые населяли его округу, исходила от кыпчаков. Первое свидетельство о переходе половцев через Волгу и появлении их в Европе относится к 1055 г. [ПСРЛ, 1926–1928, с. 162]. Согласно Наджибу Хамадани, персидскому автору XII столетия, Саксин страдал от набегов кыпчаков и йемеков [Агаджанов, 1969, с. 161–162].

Главный свидетель событий, происходивших в городе Саксине, Абу Хамид Ал-Гарнати, в своем сочинении писал: «Замерзает эта река так, что становится как земля, ходят по ней лошади и телята, и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются». Река, кото-

рую упоминает ал-Гарнати, соответствует одной из протоков Волги [Путешествие ..., 1971, с. 28]. Топографический план окрестностей Самосдельского городища позволяет увидеть, что местность к северо-западу от городища представляет собой очень широкую речную долину, которая при более высоком уровне стояния воды превратилась бы в реку шириной около километра. В настоящее время по ней протекают ерик Воложка, который периодически затапливается водой, и полноводный ерик Коклюй (Сомовка) [Васильев, 2015]. Наличие в составе инвентаря погребения 14 ледоходных шипов свидетельствует о хронологическом отрезке, когда произошло военное нападение на город, – именно зима представляется наиболее вероятным периодом для боевых действий в дельте Волги, так как тогда замерзали протоки, окружавшие город со всех сторон и служившие ему оборонительными рубежами.

Таким образом, мы можем интерпретировать «брошенные» захоронения в сгоревших сооружениях, находящихся в слое тотального пожара на Самосдельском городище на уровне 10–11 пластов, в качестве следов относительно удачного кыпчакского набега на город Саксин, который состоялся в конце XI или в начале XII в. и послужил триггером для серьезных изменений в его этнической и социальной структуре. Суть этих изменений еще предстоит углубленно проанализировать в будущем. Возможно, что наличие военной угрозы привело к консолидации населения и услож-

нению его социальной организации. Во всяком случае, облик Саксина, который реконструируется по материалам вышележащих слоев, преобразуется – из скопления турлучных и юртообразных построек он превращается в город с регулярной застройкой сооружениями из сырцового кирпича, в отделке которых используется также обожженный кирпич, с уличной планировкой, заданной мечетями. Именно XII столетие становится веком его расцвета. С археологической точки зрения мы получаем хорошо датированный горизонт, выше которого располагаются слои эпохи расцвета Саксина, ниже – слои постхазарского и хазарского периодов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-10086 «Город Саксин – столица неизвестной страны в дельте Волги (комплексные археологические исследования на Самосдельском городище)».

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 23-28-10086 “The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga delta (complex archaeological research at the Samosdelka settlement)”.

² Эти захоронения в общих чертах ранее были опубликованы Е.В. Мартыновой в сборнике материалов студенческой конференции под руководством одного из авторов настоящей статьи [Мартынова, 2020, с. 281–283].

³ Антропологические определения проведены д. и. н. С.В. Васильевым и к. б. н. С.Б. Боруцкой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

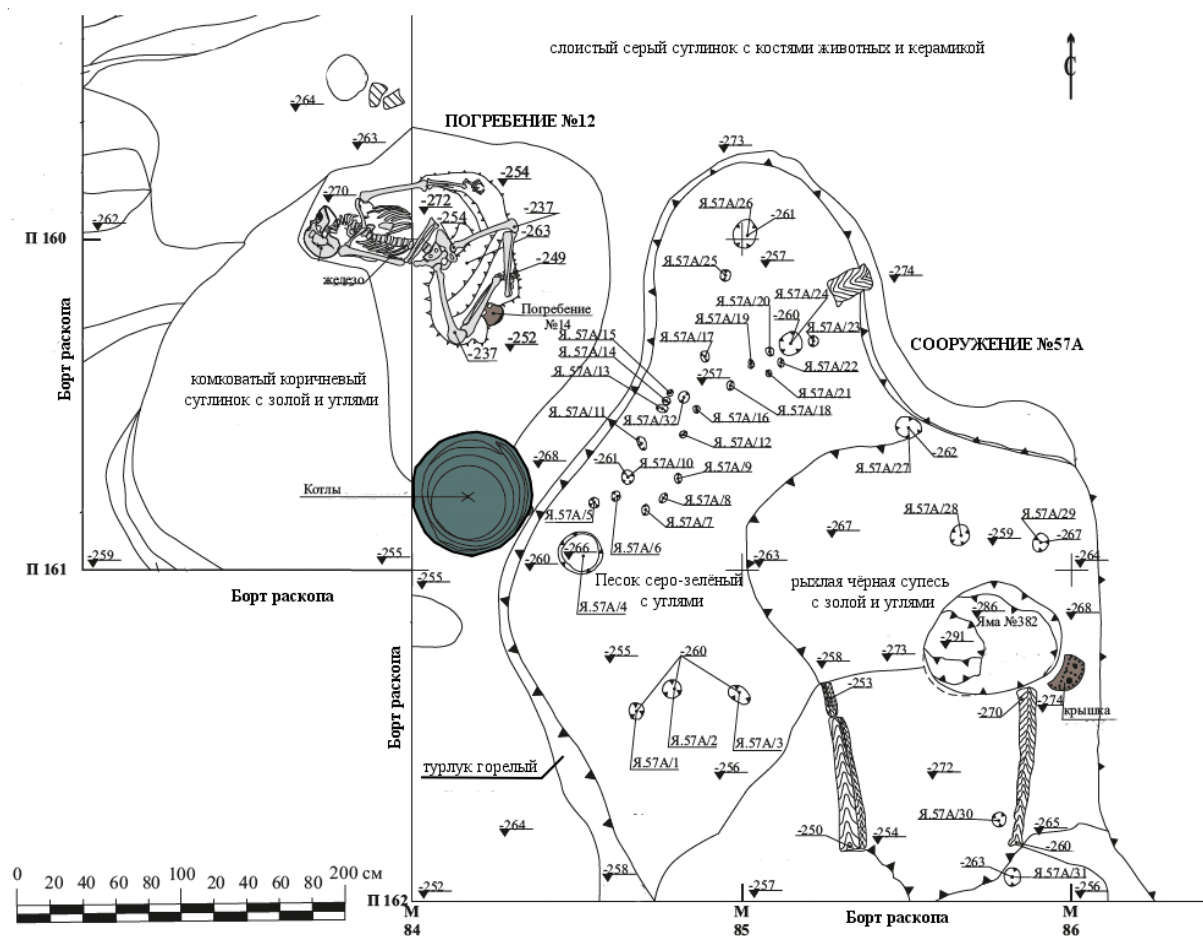
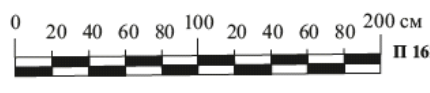

Рис. 1. Погребение 12, сооружение № 57А и медные котлы на уровне 10-го пласта.

Выкопировка из плана раскопа. Рисунок Е.М. Болдыревой

Fig. 1. Burial 12, structure 57A and copper cauldrons at level 10.

Extract from the excavation plan. Drawing by E.M. Boldyreva

Выкопировка из плана раскопа. Рисунок Е.М. Болдыревой

Fig. 2. Burial 14, structure 64 at level 11. Extract from the excavation plan. Drawing by E.M. Boldyreva

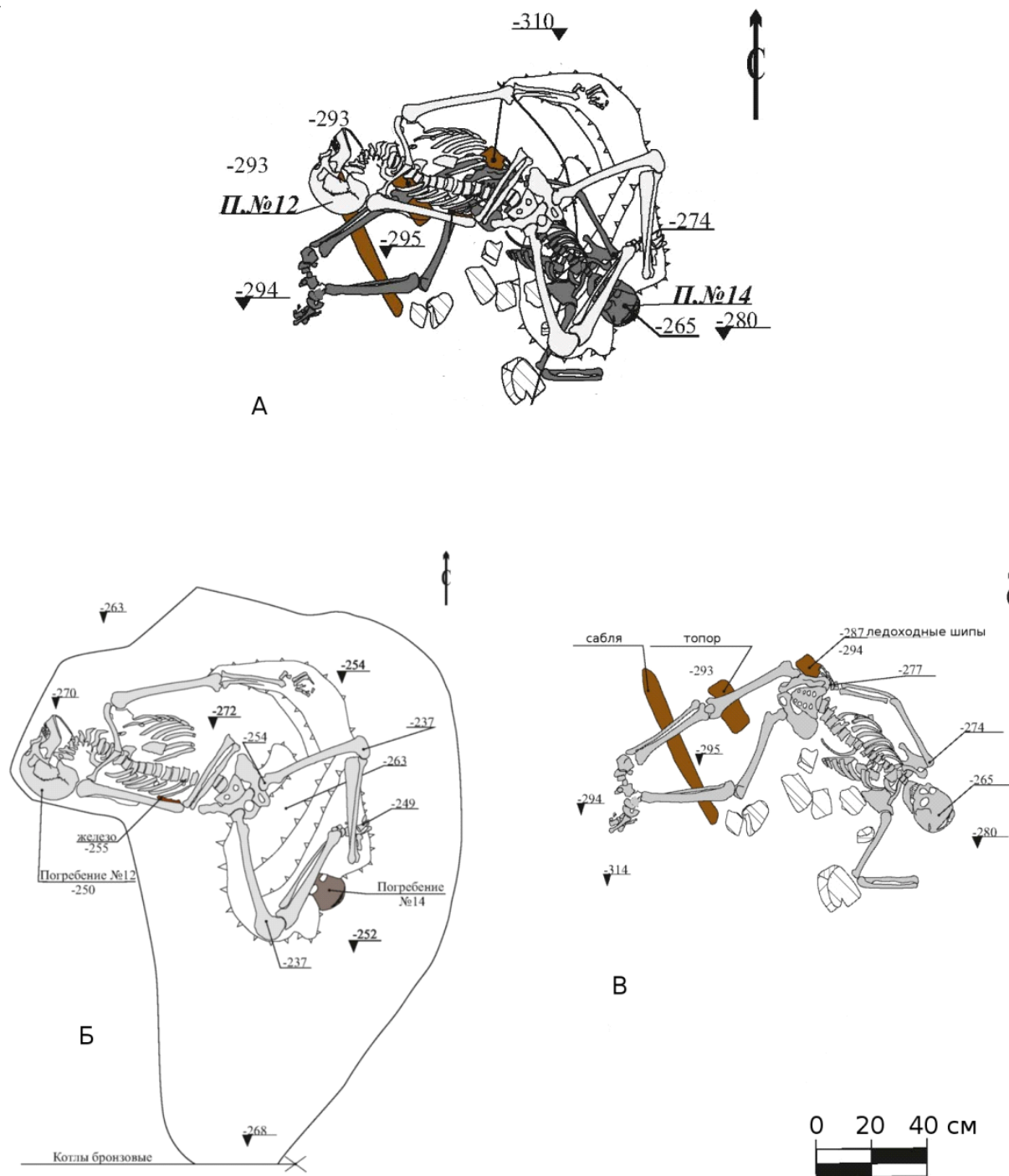

Рис. 3. Погребения 12 и 13. Рисунки Е.М. Болдыревой:

А – ситуация совмещения погребений; Б – погребение 12; В – погребение 14

Fig. 3. Burials 12 and 13. Drawings by E.M. Boldyreva:

А – situation of combining burials; Б – burial 12; В – burial 14

Рис. 4. Инвентарь погребения 14. Фото Е.М. Болдыревой:

А – железная сабля; Б – железные ледоходные шипы; В – железный топор

Fig. 4. Inventory of burial 14. Photo by E.M. Boldyreva:

A – iron sabre; Б – iron ice-walking spikes; В – iron axe

Рис. 5. Комплект медных котлов (полевое фото до реставрации). Фото Е.М. Болдыревой:

А – вид сверху; *Б* – вид сбоку

Fig. 5. Set of copper cauldrons (field photo before restoration). Photo by E.M. Boldyreva:

A – top view; *B* – side view

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад : Ылым. 297 с.
- Болдырева Е. М., 2016. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища) : дис. ... канд. ист. наук. М. 250 с.
- Болдырева Е. М., 2018. Отчет об археологических раскопках Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2018 году. Раскоп № 2. Участок № 3 // Архив ИА РАН. Т. 1. 201 с.; т. 2. 238 с.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М. : Наука, 239 с.
- Васильев Д. В., 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. № 2 (12). С. 189–267. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2015.2.12.189.267>
- Васильев Д. В., 2018. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.). Астрахань : Астрах. ун-т. С. 27–29.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа : Гилем. 212 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М. ; Л. : Наука. 361 с.
- Куза А. В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси. М. : Нестор-История. 207 с.
- Мартынова Е. В., 2020. «Брошенные» захоронения XI–XIII вв. на Самосдельском городище // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, асп., мол. ученых. Пермь : ПГНИУ. С. 281–283.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М. : Восточная литература. 222 с.
- Полное собрание русских летописей, 1926–1928. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Вып. 1 : Повесть временных лет. Вып. 2 : Суздальская летопись. Вып. 3 : Приложения. Л. : Изд-во АН СССР. 379 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.), 1971. М. : ГРВЛ. 136 с.
- Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Прикамья и Поволжья в VIII–XIV вв. Казань : Репер. 158 с.
- Салмина Е. В., 1995. Предметы вспомогательного рыболовного инвентаря из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1994 : материалы науч. семинара. Псков. С. 14–17.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : МГУ. 274 с.
- Харламов П. В., 2017. Сабли кочевников IX–XI вв. с территории степей Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19, № 3 (2). С. 406–412.

REFERENCES

- Agadzhanov S.G., 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oghuz and Turkmen of Central Asia in the 9th – 13th Centuries]. Ashgabat, Ylym Publ. 297 p.
- Boldyreva E.M., 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha): dis. ... kand. ist. nauk* [Glazed Ceramics of the Lower Volga Region in the 10th – 1st Half of the 14th Centuries (Based on the Materials of the Samosdelka Settlement). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, MSU. 250 p.
- Boldyreva E.M., 2018. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Povolzhskogo otryada Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Istoricheskogo muzeya na gorodishche Samosdelka v Kamzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2018 godu. Raskop № 2. Uchastok № 3 [Report on the Archaeological Excavations of the Volga Detachment of the Medieval Archaeological Expedition of the Historical Museum at the Samosdelka Settlement in the Kamzyyak District of the Astrakhan Region in 2018. Excavation No. 2. Site No. 3]. *Arkhiv IA RAN*, vol. 1. 201 p.; vol. 2. 238 p.

- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klige R.K., 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni* [Changes in the Regime of the Caspian Sea and Endorheic Reservoirs in Paleotime]. Moscow, Nauka Publ. 239 p.
- Vasiliev D.V., 2015. Gorod i oblast' Saksin v svete novykh dannyykh arkheologii [New Data on the City and the Environs of Saksin]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (12), pp. 189-267. DOI : <https://doi.org/10.24852/pa2015.2.12.189.267>
- Vasiliev D.V., 2018. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh sela Samosdelka v 2018 godu [About the Archaeological Research in the Vicinity of the Village of Samosdelka in 2018]. *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Astrakhan, 17 maya 2018 g.)* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science. Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 17, 2018)]. Astrakhan, Astrakhan University, pp. 27-29.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2001. *Oguzy i pechenegi v Yevraziyskikh stepyakh* [Oguzes and Pechenegs in the Eurasian Steppes]. Ufa, Gilem Publ. 212 p.
- Kirpichnikov A.N., 1966. *Drevnerusskoye oruzhiye. Vyp. 2: Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, bulavy, kisteni. IX–XIII vv.* [Old Russian Weapons. Iss. 2: Spears, Swords, Battle Axes, Maces, Flails. 9th – 13th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 361 p.
- Kuza A.V., 2016. *Rybnyy promysel v Drevney Rusi* [Fishing in Ancient Rus']. Moscow, Nestor-History Publ. 207 p.
- Martynova E.V., 2020. «Broshennyye» zakhoroneniya XI–XIII vv. na Samosdel'skom gorodishche [“Abandoned” Burials of the 11th – 13th Centuries at the Samosdelka Settlement]. *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (UPASK, 5–9 fevralya 2020 g.): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh* [LII Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK, February 5–9, 2020). Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Perm, PSU, pp. 281-283.
- Nedashkovsky L.F., 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde City of Ukek and its Vicinity]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 222 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1926–1928. T. 1: Lavrent'yevskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let. Vyp. 2: Suzdal'skaya letopis'. Vyp. 3: Prilozheniya* [Complete Collection of Russian Chronicles. 1926–1928. Vol. 1: Laurentian Chronicle. Iss. 1: The Tale of Bygone Years. Iss. 2: Suzdal Chronicle. Iss. 3: Appendixes]. Leningrad, USSRAS. 379 p.
- Puteshestviye Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Yevropu (1131–1153 gg.)* [Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)], 1971. Moscow, Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury Publ. 136 p.
- Rudenko K.A., 2000. *Metallichesкая posuda Prikam'ya i Povolzh'ya v VIII–XIV vv.* [Metalware of the Kama and Volga Regions in the 8th – 14th Centuries]. Kazan, Reper Publ. 158 p.
- Salmina E.V., 1995. Predmety vspomogatel'nogo rybolovnogo inventarya iz raskopok v Pskove [Items of Auxiliary Fishing Equipment from Excavations in Pskov]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 1994. Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land. Proceedings of the Scientific Seminar]. Pskov, pp. 14-17.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 274 p.
- Kharlamov P.V., 2017. Sabli kochevnikov IX–XI vv. s territorii stepey Volgo-Ural'ya [Sabers of Nomads of the 9–11th Centuries from the Territory of the Volga-Ural Steppes]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 19, no. 3 (2), pp. 406-412.

Information About the Authors

Dmitry V. Vasiliev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishchev St, 20a, 414956 Astrakhan, Russian Federation; Senior Researcher, Department of History, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Emma D. Zilivinskaya, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Physical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Ekaterina M. Boldyreva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum, Red Square, 1, 125009 Moscow, Russian Federation, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>

Информация об авторах

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414956 г. Астрахань, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела истории, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Эмма Давидовна Зиливинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Екатерина Михайловна Болдырева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>